

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.938

Правильная ссылка на статью:

Назаров А. Д., Назарова Е. А. Миграция как новая революция в современной Европе. Рец. на кн.: Крастев И. После Европы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 441—449. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.938>.

For citation:

Nazarov A. D., Nazarova E. A. (2020) Migration as a new revolution in modern Europe (Book review: "After Europe" by Ivan Krastev). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 441—449. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.938>.

А. Д. Назаров, Е. А. Назарова
МИГРАЦИЯ КАК НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ.
РЕЦ. НА КН.: КРАСТЕВ И. ПОСЛЕ ЕВРОПЫ.
М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО» РАНХИГС, 2018

МИГРАЦИЯ КАК НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ. РЕЦ. НА КН.: КРАСТЕВ И. ПОСЛЕ ЕВРОПЫ. М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ДЕЛО» РАНХИГС, 2018

MIGRATION AS A NEW REVOLUTION IN MODERN EUROPE (BOOK REVIEW: "AFTER EUROPE" BY IVAN KRASTEV)

НАЗАРОВ Александр Данилович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института иностранных языков, Московский авиационный институт, Москва, Россия
E-MAIL: prof.nazarov@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6235-9102>

Alexander D. NAZAROV¹ — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of Advertising and PR, Institute of Foreign Languages
E-MAIL: prof.nazarov@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6235-9102>

¹ Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

НАЗАРОВА Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии факультета международной журналистики, МГИМО МИД России, Москва, Россия
E-MAIL: helena_nazarova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8710-9281>

Elena A. NAZAROVA² — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Sociology, Faculty of International Journalism
E-MAIL: helena_nazarova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8710-9281>

² MGIMO University, Moscow, Russia

Аннотация. В 2018 г. была издана на русском языке книга известного политолога Ивана Крастева «После Европы». Хотя в международном политическом дискурсе поднятая в ней тема об истоках, современных трудностях развития и о будущем Европейского союза, переживающего миграционный кризис, широко обсуждается в экспертном сообществе, в научной публицистике нашей страны ее многие аспекты до сих пор не получили распространения.

В связи с этим в статье сделана попытка дать краткий обзор идей этого учебного, подробнее остановиться на роли массового притока в Европу мигрантов с Ближнего Востока, Южной Азии и Северной Африки в политической дестабилизации, расцвете ультраправого популизма, непростых вопросах, вставших перед странами Восточной Европы, а также тревожной политической и экономической перспективе, ожидающей всю Европу в случае распада ЕС.

Ключевые слова: беженцы, миграционный кризис в Европе, Евросоюз, национальные интересы, этноконфликтный потенциал миграции, интеграция иммигрантов, ксенофобия

Abstract. After Europe written by Ivan Krastev, a famous political scientist, was published in Russian in 2018. Despite the fact that the topics of the origin, the current migration challenges and the future of the EU raised in the book are widely discussed internationally, its many aspects have not gained widespread popularity in the Russian scientific literature.

The article attempts to outline Krastev's ideas with an emphasis on the role that the flow of migrants who come to Europe from the Middle East, South Asia and North Africa plays in political destabilization. The review also touches upon the outbreak of far-right populism, difficult questions facing the Eastern European countries, as well as an uneasy political and economic situation a possible collapse of the EU might lead to.

Keywords: migration crisis in Europe, European Union, national interests, xenophobia, refugees, migrant potential for ethnic conflicts, immigrant integration

В самом начале своей работы Иван Крастев предпринимает смелую попытку сопоставления двух исторических моментов в жизни Европы, разделенных целым столетием. Первый — во многом роковой для европейской цивилизации распад многонациональной Австро-Венгерской империи, прервавший эксперимент по уравниванию в рамках единого государства интересов наций с абсолютно разными идеями и традициями, чтобы все они «могли и дальше продолжать жить своей особой жизнью, но в то же время ограничили национальный суверенитет до такой степени, чтобы обеспечить мирное и эффективное сосуществование» [Крастев, 2018: 10]. Второй — нынешнее тревожное положение дел в Евросоюзе, стоящем на пороге дезинтеграции и распада подобно Габсбургской империи, которое автор склонен оценивать в качестве результата незавершенности первого эксперимента. Архитекторы европейского проекта, — по его мнению, — заставили себя поверить, что, избегая слова на букву «д», можно гарантированно миновать катастрофу. «Вместо того, чтобы сделать интеграцию необратимой, они предпочли сделать дезинтеграцию немислимой», — остроумно замечает И. Крастев [там же: 11].

Действительно, по иронии судьбы страх дезинтеграции парализовал политических лидеров и простых граждан Европы в момент наибольшей ее интеграции [там же: 12]. Так, финансовый кризис сделал идею банковского союза реальностью, а необходимость действенного ответа на угрозу терроризма подтолкнула европейцев к невиданному доселе сотрудничеству в сфере безопасности. В то же время множественные кризисы, переживаемые Европой сегодня, напротив, обратили простых немцев к проблемам греческой и итальянской экономик, а поляков и венгров — к немецкой миграционной политике. «С ужасом думающие о распаде европейцы не замечают, — пишет автор, — что сегодня Евросоюз ближе, чем когда-либо к «сообществу судьбы» [там же].

К такому настрою европейскую общественность подталкивает печальная судьба СССР, одной из двух сверхдержав, «рухнувшей без войны, вторжения инопланетян или иной катастрофы, если не считать одного нелепого и неудачного переворота» [там же: 13]. Его руководители, облаченные огромной властью и ответственностью, исходили из представлений о каком-то сказочном мире, в котором вдруг перестало действовать геополитическое противоборство, где мировые державы забыли о своих не только геополитических, но и экономических интересах. «Не случайно, — пишет известный российский ученый профессор Е. Н. Мошелков, — что в рамках этих совершенно неадекватных представлений о мировой политике даже наше стратегическое поражение в холодной войне подавалось чуть ли не как «победа»» [Мошелков, 2014: 37—38]. И этот распад действительно произошел на глазах удивленной Европы и всего мира вопреки всем представлениям об этой державе как «слишком большой, чтобы рухнуть, слишком устойчивой, чтобы пасть, слишком вооруженной, чтобы быть поверженной, и пережившей слишком много потрясений, чтобы просто обвалиться» [Крастев, 2014: 13].

Ныне, как и столетие назад, — подчеркивает И. Крастев, — европейцы переживают период, когда «парализующая неизвестность захватывает воображение общества» [там же], прежде немислимый распад ЕС начинает казаться неиз-

бежным, а недавний горький опыт учит, что «если некое событие кажется нам абсурдным и нелогичным, это еще не значит, что оно не может произойти» [там же: 14]. Так, социологические опросы показывают, что большинство британцев, немцев, французов видят, что мир движется к большой войне, внешние угрозы разделяют, а не скрепляют европейский континент. Более того, одно из таких исследований показало немыслимый ранее результат — в случае серьезной угрозы безопасности жители минимум трех государств — членов ЕС (Болгарии, Греции и Словении) будут ожидать поддержки от России, а не от Запада! Видимо, скандинавское появление на политическом небосклоне Дональда Трампа — первого американского президента, не считающего сохранение Евросоюза стратегической задачей внешней политики США [там же: 15].

Не менее удручающим, подтачивающим ЕС изнутри автору представляется кризисное состояние европейской модели социального государства. Современный европейский капитализм давно освободился от ограничений, навязанных ему после Второй мировой войны, в результате чего прославленное «налоговое государство» обернулось «долговым». Так, вместо перераспределения налоговых поступлений от богатых к бедным европейские государства обеспечивают свою финансовую стабильность за счет дефицита бюджетов, занимая у будущих поколений, а избиратели утратили возможность влиять на рынок, что подтачивает сам фундамент послевоенного мира [там же: 16].

Тем самым будущее процветание Европы перестает казаться чем-то безусловным. Большинство ее жителей считает, что жизнь сегодняшних детей будет сложнее их собственной и, как показывает миграционный кризис, иммиграция вряд ли улучшит демографическую ситуацию в Европе, где к 2050 г. средний возраст достигнет примерно 52 года против 37,7 в 2003 г. [там же: 15]. Автор, несомненно, прав, что после окончания холодной войны и расширения ЕС его официальные власти, были зачарованы социальной и политической моделью объединенной Европы, сформировали совершенно некритическое представление о векторе истории.

Предполагалось, что глобализация ослабит роль государств в качестве ключевых международных акторов, а также и национализма — как основного ресурса политической мобилизации. Но здесь идеологи Евросоюза жестоко просчитались — пример Китая, Индии, России, большинства мусульманских стран свидетельствует, что именно этнический национализм и религия остаются главными движущими силами в мировой политике, а потрясший Европу миграционный кризис показал, что похороненные национальные идентичности с новыми силами возвращаются и дают о себе знать в современной Европе [там же: 17—18].

Новая реальность, при которой Старый Свет утратил свое центральное положение в глобальной политике и веру собственных граждан в то, что его политический выбор может определять будущее остального мира, заставил ученых и политиков искать адекватный ответ. В частности, И. Крастев выдвигает и отстаивает довольно жесткую конструкцию концепции «После Европы», исходя из того, что континент переживает кризис идентичности, а наследие европейского христианства и Просвещения находятся под угрозой, что предполагает если не конец Европейского союза, то необходимость расстаться с наивными представлениями и надеждами на будущее Европы и мира [там же: 19].

Характеризуя свою книгу как размышления о судьбе Европы в духе грамшианского «пессимизма разума, оптимизма воли», автор верит, что «поезд дезинтеграции давно покинул центральный вокзал Брюсселя и на всех порах мчит к неразберихе на континенте и глобальной неопределенности», когда «дружелюбная среда толерантности и открытости вполне может смениться агрессивным невежеством». И хотя дезинтеграция, по его мнению, не обязательно приведет к войне, она может вызвать кризис либеральных демократий на периферии Европы, крах нескольких действующих государств — членов ЕС, породит смятение и беды, окажется утраченным идеал свободной и единой Европы [там же].

При столь пессимистической картине И. Крастев, тем не менее, продолжает верить и доказывать, что «Европейский союз может вновь обрести легитимность, даже не решив всех своих нынешних проблем», воспользовавшись на практике тезисом немецкого поэта Райнера Марии Рильке «не победить, но выстоять». Но выстоять будет непросто, — оговаривается он [там же: 20]. С оттенком сарказма автор характеризует потенциальную схему распада ЕС, который, по его прогнозу, будет больше похож на банковскую панику, чем на революцию, а пытаясь его предотвратить, многие европейские лидеры и государства предпримут шаги, только приближающие конец европейского проекта [там же].

Размышляя о грядущем, автор обнаруживает политическую силу того, что он называет «хроническим дежавю» — навязчивой убежденности, что все происходящее повторяет прошлые исторические события и эпизоды, — разлом между теми, кто пережил распад в прошлом, и теми, кто знает о нем из учебников, будучи не затронутым этими травмирующими событиями [там же: 20—21]. Опыт мгновенного и ненасильственного краха того, что казалось вечным, полученный автором в молодости, проведенной в Болгарии, поразил его и его поколение сознанием уязвимости и хрупкости любых политических конструкций, с той лишь разницей, что тогда «рушился их мир, а сейчас — наш» [там же: 22—23].

Не соглашаясь с тем, что нужно искать корни европейского кризиса в фундаментальных изъянах институциональной архитектуры, И. Крастев высказывает смелую и неординарную мысль, что единственный способ противостоять возможной дезинтеграции состоит в осознании, что именно миграционный кризис, обрушившийся в 2015—2016 гг. на Европу из-за несогласованных с партнерами по ЕС действий Германии, приобрел в умах европейцев больший, чем на самом деле, невиданный со времен Второй мировой войны масштаб и угрозу (подробнее см. [Назаров, 2016]).

Существенный научный и практический интерес представляет изучение последствий этого кризиса, который, по мнению И. Крастева, изменил европейские общества и вызвал у европейцев недовольство меритократическими элитами — это два главных вопроса, на которые он также пытается ответить в своей книге [Крастев, 2014: 23—24].

Автор не без основания констатирует, что миграционный кризис заставил европейцев распрощаться с мечтой о некой отвлеченной утопии, воображаемой прекрасной стране, в которой они хотели бы жить. Их новая мечта — далекий остров, на который можно сослать всех нежеланных чужаков без малейшего укола совести. По существу, в книге ставится вопрос уже о том, что сегодняшнюю миграцию сле-

дует воспринимать как революцию XXI в., для успеха которой не нужны идеология, политические движения и лидеры, а для все большего числа людей идея перемены означает смену страны проживания, а не правительства [там же: 24].

Здесь автор делает важный, но не бесспорный, вывод о том, что в век миграции демократия из инструмента вовлечения превратилась в механизм исключения, а для правых популистских партий в «единственный разумный ответ на апокалипсис — вызвать другой в надежде начать все с начала» [там же: 24—25].

Европейский опыт мира без границ, именуемый глобализацией, очень быстро из возвышенной мечты обернулся кошмаром, а вызванное падением барьеров воодушевление 1989 г. сменилось приступом тревоги, требованием возвести новые преграды и заборы на границах. В одном из интервью¹ И. Крастев, отмечая, что «открытие границ — это лучшее, что произошло после окончания коммунизма», вынужден констатировать, что Европа уже построила или заложила 1200 км заборов, прямо предназначенных для сдерживания чужаков [там же: 28]. Эта заразная болезнь «стеностроительства» мощно откликнулась и на другом берегу Атлантического океана — в США, где президент Д. Трамп вступил в ожесточенную борьбу за воздвижение обещанной избирателям стены на границе с Мексикой, чтобы пресечь незаконную миграцию с ее территории².

Трудно предсказать, чем окончится эта непривлекательная, бросающая тень на демократические устои история, но большинство европейцев обманулись в своих ожиданиях перемен в лучшую сторону, образ глобализованного мира будущего вызывает у них беспокойство, они все чаще верят, что «жизнь их детей будет тяжелее их собственной, и считают, что их страны движутся в неверном направлении» [там же].

Ситуация усугубляется тем, что своего рода антиподом беженца выступает турист — главный герой глобализации, перевозносимый и принимаемый с распростертыми объятиями, позволяющий европейцам почувствовать связь с остальным миром, не обременяя своими проблемами. При этом беженец — возможно, вчерашний турист, напротив, — символ обратной, нежелательной, стороны глобализации, приходит часто без приглашения, обремененный несчастьями и проблемами другого мира. «Даже среди нас он не один из нас» — отмечает автор, при этом «привлечение туристов и защита от мигрантов — вот краткая формула идеального европейского миропорядка» [там же: 29], заметим — менее благожелательная, чем в античные времена [см.: Платон, 1972: 335—339].

Отмечая и без того обременительные ситуации, которые преследуют европейцев в последние годы (еврозоны, Брекзит, антироссийские санкции, революция на Украине, непредсказуемость политики, проводимой в отношении Евросоюза президентом США Д. Трампом и т. д.), И. Крастев пишет, что миграционный кризис «единственный по-настоящему всеевропейский кризис», который «ставит под со-

¹ Подробнее см.: Комин М., Хачатуров А. Иван Крастев: «2019 год в России — это бунт родителей против ценностей их детей». Известный болгарский политолог — о России и Европе на шатком переломе их отношений и понимания самих себя // Colta.ru. 10.04.2019.

² Подробнее см.: Пудовкин Е. Законодатели обанкротили американские госведомства: Затягивание «шатдауна» обернется политическим ущербом для республиканцев // Независимая газета. 2018. 22 января; Акимущкина И. И. Как защитить страну от нелегалов : От Трампа зависит, что с миграционной проблемой будет в мировом масштабе // Независимая газета. 2019. 18 апреля и др.

мнение политическую, социальную и экономическую модели Европы». Этот кризис, необъяснимый лишь притоком беженцев и трудовых мигрантов, на деле, — по его мнению, — означает «миграцию взглядов, чувств, политических идентичностей и голосов», стал для Европы тем, чем 11 сентября 2001 года было для Америки» [Крастев, 2014: 29].

Кроме приведенных глубоких идей и неожиданных выводов несомненным достоинством книги И. Крастева является обширная библиография, привлечение и анализ работ целого ряда ведущих интеллектуалов, рассматривавших проблемы миграции и их влияние на судьбу западного мира [там же: 31—42].

Нельзя не согласиться с автором в том, что современный миграционный кризис имеет решающее значение при оценке шансов Европейского союза на выживание, поскольку, во-первых, он одновременно укрепляет национальную солидарность и сводит на нет шансы на конституционный патриотизм в Союзе как едином целом, во-вторых, представляет собой поворотный момент в политической динамике европейского проекта, в-третьих, отмечает момент, когда требование демократии в Европе трансформировалось в призыв защитить свое политическое сообщество, а значит, исключать, а не принимать и приобщать. По существу, миграционный кризис запустил процесс, в ходе которого европейский проект перестал казаться воплощением либерального универсализма и превратился в печальный образ закрытости и глухой обороны, — пишет И. Крастев [там же: 78].

В последующих главах автор так же глубоко и основательно исследует причины неприязненного отношения жителей стран Центральной Европы к мигрантам [там же: 61—78; 128—132], представление о путях сохранения и будущего Европейского союза [там же: 79—91], роли новых медиа в политике современной Европы [там же: 104—108], особенности поворота к популизму в разных странах [там же: 93—104], которые в той или иной степени характеризуют миграционную проблематику.

Складывающаяся в ЕС неоднозначная миграционная ситуация в оптимистической интерпретации И. Крастева порой принимает афористичную форму: «у нас есть много теорий европейской интеграции, но нет практически ни одной теории европейской дезинтеграции», «европейская интеграция... вроде скоростного поезда, главное — не останавливаться и не оглядываться назад» [там же: 11], «прежде немислимый распад Европейского союза начинает казаться неизбежным» [там же: 14], «постмодернистский порядок стал настолько передовым и специфичным для своего контекста, что совершенно непригоден за его пределами» [там же: 18], «если мы не начнем умирать, то лишимся будущего» [там же: 28], «мигранты — субъекты истории, определяющие судьбу европейского либерализма» [там же: 33], «иммиграция — это форма нашествия, когда чужаки наступают со всех сторон, а местным некуда бежать» [там же: 41], «открытые границы из символа свободы стали символом уязвимости» [там же: 51], «демократическое стало демографическим» [там же: 68], «одна из причин, по которой многие сомневаются в демократии, состоит в том, что эти сомнения обоснованны» [там же: 81], «сделать немислимое неизбежным» [там же: 119], «искусство выживания основано на импровизации» [там же: 140] и др.

С разных сторон и глубоко исследуя современную миграционную ситуацию в Европе, выступающую, по мнению автора, в форме революции, он, естественно,

не мог в столь компактном формате книги охватить все аспекты этой сложной и неоднозначной темы. Видимо, этим объясняется, что целый ряд достаточно актуальных проблем оказался на периферии его интересов.

В частности, это касается такого сопутствующего миграции явления, как возникновение сети зарубежных диаспор, своего рода виртуальных общин, зачастую характеризующихся обособленностью и гораздо более глубокой степенью самосознания, чем раньше. Согласно утверждению известного европейского интеллектуала Тило Сарациона, иммиграция грозит Германии ослаблением, особенно в силу наличия многочисленных мусульманских общин, высокая рождаемость внутри которых ведет к «завоеванию Германии путем размножения» [цит. по: Гидденс, 2015: 146—147].

Не менее важным аспектом для раскрытия избранной И. Крастевым темы исследования представляется анализ истоков возникновения и последующего развития на европейском континенте так называемого джихадистского движения в среде мигрантов из ближневосточных и других стран. Парадокс заключается в том, что их представители, во втором или третьем поколении проживая в Европе, вступают на путь джихада после продолжительной жизни в светском обществе, и это представляет собой наиболее видимые части того, что стало повсеместным процессом. А это, по словам Энтони Гидденса [там же: 146], ведет к еще большему ослаблению Евросоюза, чем экономическая рецессия, и потому, на наш взгляд, заслуживает отдельного исследования.

Думается, что читателей не должно смущать отсутствие в книге «После Европы» развернутого анализа влияния России на политическую ситуацию в ЕС. В одной из давних своих статей И. Крастев утверждал, что «Москва фактически считает Евросоюз временным явлением, интересным экспериментом, у которого нет будущего. Европейская стратегия России основана на предположении, что будущее Европы станут определять государства-нации <...> столкновение между Россией и Западом по своей природе идеологическое»³, и, видимо, остается верен своей позиции.

К сожалению, как и большинство его западных коллег, И. Крастев обошел в своем труде слабо изученную, но такую важную сторону миграции, как переселение населения в рамках Европейского союза. Согласно некоторым оценкам, этот поток не только не уступает зарубежному, но и превосходит его. Что побуждает к массовому перемещению жителей одной страны ЕС в другую, с какими трудностями они сталкиваются, играют ли свою роль национальные, религиозные и другие аспекты, только ли лишь рынок труда определяет пути следования европейцев, решивших сменить место жительства?

Исходя из вышеизложенного, представляется, что практически повсеместно сегодня востребуется лишь сильная политика, нацеленная не на заигрывание с мигрантами или коренным населением принимающих стран, а на создание могущественного демократического государства, его эффективной социальной системы, что долгое время удавалось ведущим странам Запада. Возникает резонный вопрос, где предел стихийному наплыву беженцев и нелегальных мигрантов

³ См.: Крастев И. Россия как «другая Европа» // Полит.ру. 09.09.2007.

в государства Европейского союза, есть ли он, заинтересованы ли в нем предпринимательские круги, широкая общественность? На эти вопросы И. Крастев в книге «После Европы» прямых ответов не дает, однако они могут быть найдены им самим или другими политологами и социологами в рамках предложенной аналитической схемы, ее всестороннего углубления и расширения.

Список литературы (References)

Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / пер. с англ. М. : Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

Giddens A. (2015) *Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe?* Moscow: Delo RANEPА. (In Russ.)

Крастев И. После Европы / пер.с англ. А. Никитиной ; под ред. А. Смирнова и Я. Охонько. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

Krastev I. (2018) *After Europe*. Transl. from Eng. by A. Nikitina, ed. by A. Smirnov and Ya. Ohon'ko. Moscow: Delo RANEPА. (In Russ.)

Мошелков Е. Н. Национальный вопрос в российских революционных разломах XX в. // Вестник российской нации. 2014. № 3. С. 8—39.

Moschelkov E. N. (2014) National issue in Russian revolutionary breaks of XX century. *Bulletin of Russian nation*. No. 3. P. 8—39. (In Russ.)

Назаров А. Д. Экзамен на гостеприимность : Кризис с беженцами в современной Европе // Вестник российской нации. 2016. № 2. С. 195—217.

Nazarov A. D. (2016) The examination for hospitality: the crisis of refugees in contemporary Europe. *Bulletin of Russian nation*. No. 2. P. 195—217. (In Russ.)

Платон. Государство. Т. III. Часть 2. М. : Мысль, 1972.

Plato. (1972) *Republic*. Vol. III. Part 2. Moscow: Mysl. (In Russ.)